

Гроссмейстер

Бог извлекает победу даже из наших плохих ходов

Филипп Янси

Писатели всегда рассуждают о том, что заставляет историю «работать». «На опыте своих собственных попыток сделать так, чтобы сюжет «заработал», — признавалась Флэннери О'Коннор, — я обнаружила, что для этого необходимо совершенно неожиданное, хотя и вполне правдоподобное, развитие событий. Кроме того, это всегда действие, в процессе которого явлена благодать. И зачастую в этом действии диавол выступает как бы невольным орудием благодати. Это не знание, которое я намеренно помещаю в свои рассказы; это скорее извлеченное из них открытие».

В истории моей собственной жизни есть вещи, вызывающее у меня сожаление и даже негодование: страдания с раннего детства, болезни и ранения, времена нищеты, неверные решения, разорванные взаимоотношения, упущенные возможности, разочарование неудачами. Могу ли я верить, действительно верить в то, что Бог может спасительно вплести все это в историю моей жизни как «невольные орудия благодати»?

Я думаю, что Божий стиль ироничен. Более прямолинейным подходом был бы отклик немедленным решением на каждую возникшую проблему. Женщина заболевает; Бог исцеляет ее. Мужчину безвинно сажают в тюрьму; Бог освобождает его... Тем не менее, Бог использует такой подход редко. Весьма утонченный Автор, Он позволяет сюжету развиваться рискованными путями, а затем искусство делает эти,

несомненно, окольные пути частью дороги домой. Так, Павел благодарит за «жало в плоть», поскольку оно больше способствует, чем препятствует Божью делу,

выполняемому через Павла; а Иосиф может оглянуться на свою полную мучений жизнь и сказать жестокосердным братьям: «Вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро» (Быт. 50:20).

В школе я гордился своим умением играть в шахматы. Я вступил в шахматный клуб, и в обеденный час меня можно было найти сидящим за столом с другими занудами, углубившимися в книги с названиями вроде «Классический дебют королевской пешки». Я изучил технику игры, выиграл большинство партий и забросил игру на 20 лет. Потом однажды в Чикаго я встретил по-настоящему хорошего шахматиста, который долго совершенствовал свои навыки после окончания школы.

После двух партий с ним я понял, что означает играть с гроссмейстером. На всякое классическое нападение, которое я пытался использовать, он отвечал классической защитой. Если я переходил к более рискованной манере игры, он делал мои лихие наскоки частью своей выигрышной стратегии. Я мог совершенно свободно делать какие угодно ходы, но вскоре пришел к выводу, что моя стратегия не имеет большого значения. Его превосходное мастерство гарантировало, что любые мои замыслы в конечном итоге неминуемо служили замыслам его.

Возможно, Бог обходит-ся с нашей вселенной, Своим творением, примерно так же. Он предоставляет нам свободу восставать против ее изначального устройства, но даже если мы делаем это, то в конце концов, по иронии судьбы, все равно служим конечной цели восставления. Если я при-

знаю такое положение вещей — огромный шаг веры! — это меняет мою точку зрения как на хорошее, так и на плохое. Хорошие вещи, такие как здоровье, талант и деньги, я могу принести в жертву Богу для служения Его целям. И также плохие вещи — бессилие, бедность, разлады в семье, падения — могут быть оправданы как инструменты, которые ведут меня к Богу.

Скептик может обвинить меня в чудовищной рационализации и подгонке доказательств к ранее сделанному выводу. Да, это именно так. Христианин начинает с вывода, что благий Бог возродит творение в изначальной задуманной форме, и рассматривает всю историю как продвижение к такому концу. Когда Гроссмейстер играет с любителем, победа гарантирована, независимо от того, как выглядит доска в любой момент партии. В чудесной благодати даже наши личные неудачи могут стать орудиями в руках Божиих. Многие люди обнаруживают, что постоянное искушение, даже пагубная зависимость, — это именно та рана, которая заставила их в отчаянии обратиться к Богу, став, таким образом, отправной точкой возникновения нового творения.

Поль Турнье хорошо подытожил такой взгляд: «Самая удивительная вещь в этом мире не добро, которое мы совершаем, а тот факт, что добро может получиться из совершаемого нами зла. Я убежден, что наше призвание — строить добро из зла. Если мы пытаемся создавать добро из добра, нам грозит нехватка исходного материала».

Я убежден, что Турнье прежде всего предпочел бы, чтобы люди никогда не совершали зла. К сожалению, это недостижимо в нашем падшем мире. Здесь лучше всего работает ироничный подход, поскольку он никогда не испытывает нехватки исходного материала. ■

